

ОТ НОРМАЛИЗАЦИИ К КОНФЛИКТУ: СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1956 г.

Б.С. Новосельцев

Аннотация. Предпринята попытка исследовать переломный момент в советско-югославских отношениях, развивавшихся в середине XX в. возвратно-поступательными циклами от конфликта к нормализации. В 1956 г. завершился один из таких циклов, начавшийся с конфликта между Югославией и странами Коминформбюро (1948–1953 гг.) и продолжившийся этапом нормализации после смерти И.В. Сталина (1953–1956 гг.). Назревавший новый конфликт между Москвой и Белградом означал новый виток маятника двусторонних отношений. Цель исследования – проследить позицию советского и югославского руководства по вопросам двустороннего сотрудничества и выявить основные разногласия сторон, вследствие чего возникли тенденции, приведшие в 1958 г. к новому конфликту.

Основываясь на материалах сербских и российских архивов, периодике, опубликованных источниках, а также на сочинениях отечественных и зарубежных историков, автор рассматривает основные этапные моменты в советско-югославских отношениях весной – осенью 1956 г. Он останавливается на событиях XX съезда КПСС, роспуске Коминформбюро и влиянии югославского фактора на принятие этого решения, неофициальной поездке Н.С. Хрущева на отдых в Югославию в сентябре 1956 г., нарастании напряженности в Венгрии летом – осенью 1956 г. и роли Югославии в этих событиях.

В центре исследования находится поездка в СССР югославской делегации во главе с Й. Брозом Тито и подписание Московской декларации. Несмотря на большое внимание, которое стороны уделили подготовке визита и те надежды, которые на него возлагались, переговоры окончились неудачей.

Ключевые слова: Югославия, СССР, внешняя политика, холодная война, Йосип Броз Тито, Н.С. Хрущев, XX съезд КПСС.

FROM NORMALIZATION TO THE CONFLICT: THE SOVIET-YUGOSLAV RELATIONS IN SPRING AND SUMMER 1956

B.S. Novoseltsev

Abstract. This article attempts to explore the turning point in Soviet-Yugoslav relations, which were developing in the mid-XX century as a reciprocating cycle of conflict to normalization. In 1956 one of these cycles began with the conflict between Yugoslavia and Cominformbeauro countries (1948–1953) and continued with the normalization stage after the Stalin's death (1953–1956). Brewing a new conflict between Moscow and Belgrade meant a new round of bilateral relations pendulum. The purpose of research is to track the position of Soviet and Yugoslav on bilateral cooperation and to identify the main differences between them, so that appeared some tendencies that led to a new conflict in 1958.

Based on materials of Serbian and Russian archives, periodicals, published sources, as well as works of Russian and foreign historians, the author examines the main landmark moments in Soviet-Yugoslav relations in Spring and Autumn 1956.

Among them he explores the events of the XXth Congress of the CPSU; dismissing the Cominformbeauro and the impact of the Yugoslavian factor on this decision; informal trip of N.S. Khrushchev for holidays in Yugoslavia in September 1956; tensions in Hungary in Summer and Autumn 1956 and the role of Yugoslavia in these events.

In the center of the research is the trip of the Yugoslav delegation headed by J. Broz Tito to the USSR and signing the Moscow Declaration. Despite the great attention paid to the preparation of the visit and hopes that were pinned on it, the negotiations failed.

Keywords: Yugoslavia, the Soviet Union, foreign policy, the “Cold War”, Josip Broz Tito, N.S. Khrushchev, the XXth CPSU Congress.

Советско-югославские отношения во второй половине XX в. развивались циклически: от конфликта к нормализации и обратно к конфликту. Скоро исполнится 10 лет монографии историка А.Б. Едемского «От конфликта к нормализации» [Едемский, 2008], раскрывающей основные механизмы восстановления отношений двух стран в 1953–1956 гг. Кульминация этого процесса – 22-дневный официальный визит югославской делегации в СССР летом 1956 г. – одновременно стала началом тенденции, ведущей к новому двустороннему конфликту, этапными событиями на пути к которому стали полемика Белграда и Москвы по венгерскому вопросу и появление новой «Программы Союза коммунистов Югославии» в апреле 1958 г.

Но в начале 1956 г. в Югославии и особенно в СССР были настроены оптимистично по поводу перспектив развития отношений. Югославы особенно интересовали экономические вопросы. Руководствуясь доктриной равноудаленности от сверхдержав, они налаживали сотрудничество с социалистическим лагерем и странами Азии и Африки при сохранении связей с Западом. В начале 1956 г. СССР и Югославия подписали договор о сотрудничестве, который предусматривал предоставление Федеральной Народной Республике Югославия (далее – ФНРЮ) денежного кредита общей суммой в 285 млн долл., товарного кредита в 54 млн долл. и девизного займа¹ в 30 млн долл. [DASMSP RS. PA. str. pov. 1958. f-3. 310. *Ekonomski odnosi sa istočnovevropskim zemljama*]. После поездки советской делегации во главе с Н.С. Хрущевым в Белград в 1955 г., ставшей этапным моментом в нормализации отношений, новой задачей Москвы виделось достижение идейного единства с югославами и, прежде всего, установление связей по партийной линии. В записке М.А. Сулова, Б.Н. Пономарева и А.А. Громыко «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией», подготовленной к Совещанию представителей коммунистических и рабочих партий стран народной демократии², прямо говорилось о задаче «усилить коммунистическое влияние на югославский народ и членов СКЮ (*Союза коммунистов Югославии – Б.Н.*), а при благоприятных условиях обеспечить возвращение Югославии в социалистический лагерь» [Президиум ЦК КПСС. Т. 2, 2015, с. 179].

Еще 7 июля 1955 г. по итогам визита советской делегации в Белград ЦК КПСС отправил в адрес ЦК СКЮ послание с предложением возобновить связи по партийной линии. Югославы долгое время тянули с ответом, позже объяснив это желанием избежать обвинений со стороны Запада в своем возвращении в советский лагерь. По той же причине СКЮ не отправил делегацию на XX съезд КПСС, ограничившись лишь направлением приветственного письма Йосипа Броза Тито его участникам [Президиум ЦК КПСС. Т. 2, 2015, с. 184].

Решения, принятые на XX съезде КПСС (14–25 февраля 1956 г.), в значительной мере способствовали дальнейшему развитию двусторонних связей, облегчив в конечном итоге формирование положительного решения югославской стороны

¹ Девиза – вексель, подлежащий оплате за границей в иностранной валюте.

² Состоялось в Москве 6–9 января 1956 г.

о восстановлении межпартийных связей [Едемский, 2008, с. 544]. Наибольшее внимание югославов привлек высказанный на съезде тезис о многообразии форм перехода к социализму. Это идеологическое построение должно было объяснить, прежде всего, своеобразную ситуацию, сложившуюся в отношениях Советского Союза с Китаем и Югославией. За этими странами признавалось право на «своеобразные конкретные формы управления хозяйством, построения государственного аппарата» [Правда, 1956, 15 февраля]. Про многообразии идеологических концепций построения социализма речи не шло, но следует признать, что уже в 1956 г. в международном рабочем движении существовало идейное размежевание.

В докладе Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» несколько абзацев было уделено и югославскому вопросу. В нем главным виновником конфликта 1948 г. был назван И.В. Сталин, который «полностью утратил чувство реальности, проявлял подозрительность, высокомерие в отношении не только отдельных лиц внутри страны, но и в отношении целых партий и стран». «Сталин мне лично сказал: “Шевельну пальцем, и Тито слетит”, – рассказывал Хрущев, подчеркнув, что “в деле с Югославией не было оснований для такого разрыва”» [О культе личности и его последствиях ... 1989].

Встречи с советскими дипломатами и аналитические документы, присылаемые из посольства в Москве в первые недели после XX съезда [АЖ. СК SKJ. 507/IX. 119/I-65. Pismo uručeno Tito], внушали югославской стороне оптимизм относительно перемен политико-идеологического климата в СССР [Едемский, 2008, с. 549]. В Белграде с гордостью подчеркивали значение «югославского опыта» и влияние Югославии на новый советский внешнеполитический курс [Bogetić, 2006, s. 92]. На заседании VI пленума ЦК СКЮ 6 марта Тито заявил: «Югославия сыграла решающую роль в сломе прежней системы» [АЖ. F. 507. II/14: Završni deo rada VI Plenuma CK SKJ 14 marta 1956 g. // Цит. по: Едемский, 2008, с. 549]. Однако и перемены в советской политике в свою очередь влияли на изменение курса ФНРЮ, о чем свидетельствовали всё более острые упреки в ее адрес со стороны Запада [см. Bogetić, 2005].

Особенности курса Югославии в отношении СССР можно кратко охарактеризовать, приведя установку, данную Тито весной 1956 г. новому послу в Москве В. Мичуновичу³: «С русскими не надо ссориться, но и не надо им уступать» [Mićunović, 1977, s. 39].

В свою очередь, в Москве считали развитие отношений с Югославией одной из приоритетных внешнеполитических задач и демонстрировали готовность к компромиссам. 17 апреля 1956 г. было объявлено о роспуске Комиинформа [Правда, 1956, 18 апреля], органа, который так ожесточенно критиковал югославское руководство во время конфликта 1948–1953 гг. [подробнее см. Аникеев, 2002].

³ Велько Мичунович (1916–1982). Югославский дипломат и политический деятель. Помощник министра иностранных дел ФНРЮ (1952–1956 гг.). Посол в СССР (1956–1958 и 1969–1971 гг.). Заместитель союзного секретаря иностранных дел (1958–1962 гг.). Посол в США (1962–1967 гг.). Председатель Комиссии внешней политики Союзной Скупщины СФРЮ (1967–1969 гг.).

В Белграде это известие сочли еще одной внешнеполитической победой ФНРЮ. Югославскую сторону в сообщении привлекло то, что в его заключительных строках говорилось о будущей координации действий коммунистических партий именно в тех рамках, на которых югославы настаивали все это время [Едемский, 2008, с. 552–553]. Речь шла об отказе от координации деятельности коммунистических партий независимых стран из единого центра, которую югославы считали пережитком сталинизма. Можно согласиться с историком А.С. Стыкалиным, что едва ли не главным мотивом форсированного роспуска Информбюро стало стремление КПСС сделать жест доброй воли в адрес СКЮ в условиях, когда в Москве считалась приоритетной задача налаживания межпартийных связей [Стыкалин, 2014, с. 23].

19 апреля Н.С. Хрущев направил Й. Брозю Тито послание в связи с предстоящим визитом югославской делегации, который готовился дипломатическими службами обеих стран тщательнейшим образом и на который они возлагали большие надежды. Советский лидер интересовался, в какой форме направить югославам официальное приглашение: от Председателя Президиума Верховного Совета, или от Совета Министров, или от ЦК КПСС [А.С. Стыкалин. 507/IX. 119/1-67. Pismo sekretara CK KPSS N. Hruščova, Josipu Brozu Titu, u vezi sa programom boravka jugoslovenske delegacije na čelu sa J.B. Titom u Moskvi. 17.04.1956]. Таким образом, в Москве зондировали почву, как воспринимается этот визит в Белграде: как государственный или партийный. Выше уже говорилось, что югославы занимали, прежде всего, вопросы экономического сотрудничества, получения советских кредитов на выгодных условиях и признания равноправия в отношениях сторон. Советское руководство главную свою цель видело в налаживании межпартийных отношений при дальнейшем сближении по государственной линии. Кроме того, планировалось добиться ослабления связей Югославии с западными странами и, возможно (при наличии соответствующей просьбы югославы), развитие сотрудничества в военной сфере [Едемский, 2008, с. 554].

Накануне визита в адрес югославских руководителей был сделан еще один реверанс. На посту министра иностранных дел сталинист и последовательный противник нормализации отношений с Югославией В.М. Молотов был заменен Д.Т. Шепиловым⁴.

С 1 по 23 июня 1956 г. состоялся трехнедельный визит в СССР югославской делегации во главе с Тито. За это время представители ФНРЮ побывали в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Краснодаре, Новороссийске и Сочи, посетили большое количество приемов и банкетов, осмотрели множество заводов, а также провели четыре раунда переговоров с советскими коллегами – 5, 9, 19 и 20 июня.

5 июня обсуждался широкий круг тем: развитие экономического и культурно-сотрудничества, проблемы колониализма, политика США, Балканский пакт

⁴ Дмитрий Трофимович Шепилов (1905–1995). Политический деятель, ученый. Главный редактор газеты «Правда» (1952–1956 гг.). Министр иностранных дел СССР (1956–1957 гг.).

[подробнее см. Balkanski pakt, 2008]⁵, германский вопрос [AJ. CK SKJ. 507/IX. 119/I-69. Materijal o zvaničnoj poseti delegacije FNRJ Sovjetskom Savezu. 01–23.07.1956]. Стороны ограничивались в основном общими высказываниями, поэтому переговоры проходили в спокойной и дружественной обстановке.

9 июня главной темой переговоров стали отношения Югославии со странами советского лагеря. Й. Броз Тито и Э. Кардель⁶ отвергали само это понятие. Советские лидеры предложили термины «фронт» или «содружество», но речь, очевидно, шла не о терминологии. Тито заявил, что Югославия не собирается входить ни в один из блоков и в будущем продолжит свое сотрудничество с Западом и западными социал-демократическими партиями, и что это ни в коей мере не будет вредить СССР. Более того, это необходимо для поддержки социалистических сил и укрепления социализма в мире. При этом он подчеркнул, что ФНРЮ не сойдет с социалистического пути. Н.С. Хрущев настаивал на необходимости «единства и дисциплины» и отверг возможность для отдельных компартий действовать без согласования своих шагов с другими, а также отметил «позитивную роль, которую сыграл Коминформ в деле сохранения единства социалистического лагеря» [AJ. KPR. I-2/7-1. Put J.V. Tita u SSSR]. Это заявление резко контрастировало с тезисом XX съезда о разных путях строительства социализма и решением о роспуске Информбюро. Надежды югославы на подлинный антисталинизм Хрущева (в Югославии это связывали прежде всего с осуждением Коминформа) и на то, что существует единство взглядов на содержание нормализации, были перечеркнуты [Едемский, 2008, с. 566]. Добиться вступления ФНРЮ в Организацию Варшавского договора (ОВД) и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) и таким способом обеспечить ее постепенное втягивание в социалистический лагерь также не удалось. Э. Кардель заявил, что Югославии было бы бесполезно вступать в эти организации [AJ. KPR. I-2/7-1. Put J.V. Tita u SSSR]. При этом ФНРЮ не отказывалась от сотрудничества с СЭВ, с 1964 г. став его ассоциированным членом.

18 июня состоялся третий раунд переговоров. На нем обсуждали текст итоговой совместной декларации. Стороны предложили два совершенно несовместимых проекта, по-разному понимая, как сочетаются принципы единства коммунистического лагеря и равноправия и независимости компартий. Югославский проект был во многом основан на Белградской декларации [AJ. CK SKJ. 507/IX. 119/I-56. Deklaracija vlada SSSR i FNRJ]⁷, а советский предполагал более тесную координацию

⁵ Соглашение об экономическом и военном сотрудничестве между Грецией, Турцией и Югославией, заключенное в 1953 г. Фактически прекратил свое существование в конце 1950-х гг.

⁶ Эдвард Кардель (1910–1979). Югославский общественно-политический деятель словенского происхождения. Министр иностранных дел ФНРЮ (1948–1953 гг.). Заместитель председателя Правительства Югославии (1946–1963 гг.). Председатель Союзной Скупщины Югославии (1963–1967 гг.). Член Президиума Югославии (1974–1979 гг.).

⁷ Белградская декларация была подписана 2 июня 1955 г., подытожив визит в Югославию советской делегации во главе с Н.С. Хрущевым. Она основывалась на проекте, предложенном ФНРЮ, и подчеркивала уважение суверенитета, целостности, независимости и равноправия между двумя государствами; следование принципу невмешательства во внутренние дела; признание различных форм общественного развития и разных форм строительства социализма и даже констатацию, что политика военных блоков увеличивает международную напряженность.

сотрудничества и возвращение ФНРЮ в социалистический лагерь [Bogetić, 2005, s. 165]. В итоге решено было разработать новый совместный текст и представить в нем только принципиальные позиции сторон, по которым существует взаимное согласие.

Такой долгий и столь громко освещавшийся в прессе визит все же должен был завершиться подписанием итогового документа. На заседании Президиума ЦК КПСС было решено принять вариант, предложенный югославами, заметив при этом: «мы не удовлетворены [...], но спорить не будем» [Стыкалин, 2015].

20 июня в ходе последнего, четвертого раунда переговоров в Георгиевском зале Кремля была подписана «Декларация об отношениях между Союзом коммунистов Югославии и Коммунистической партией Советского Союза». В ней подтверждались принципы Белградской декларации, в частности различие путей социалистического развития в разных странах и «богатство форм развития социализма», полностью добровольное и равноправное сотрудничество коммунистических партий, а также важность дружеской критики и товарищеского обмена мнениями по спорным вопросам. Кроме того, подчеркивалась «необходимость сотрудничества всех прогрессивных и миролюбивых сил» и было отмечено, что связи между ними должны быть «равноправными, открытыми, демократическими и доступными мировому общественному мнению». При этом югославская сторона настояла, чтобы в декларации не было формулировки о необходимости постоянных органов, координирующих деятельность компартий. Еще раз подтверждался провозглашенный на XX съезде принцип различных путей построения социализма [А.И. КРП. 1-2/7-1. Put J.B. Tita u SSSR. Декларация об отношениях между Союзом коммунистов Югославии и Коммунистической партией Советского Союза]. Сама стилистика фраз подтверждала, что текст Московской декларации составлялся в Белграде [Едемский, 2008, с. 573–574]. Никаких упоминаний об «идеологическом единстве» или о «социалистическом лагере» в декларации зафиксировано не было.

Таким образом, несмотря на блеск событий и внешний успех визита, двусторонние отношения не вышли за рамки предыдущих договоренностей, достигнутых в ходе советско-югославской переписки и переговоров в Белграде в 1955 г. [Едемский, 2008, с. 573–574]. При этом разочарование сторон в исходе переговоров было взаимным.

Московская декларация являлась успехом югославской дипломатии в том смысле, что могла стать прецедентом формирования новой концепции отношений СССР и стран советского блока на основе практического применения концепции различных путей строительства социализма. Однако этого не произошло. Сразу же последовали меры советского руководства, направленные на консолидацию лагеря. Хрущеву было принципиально важно дать понять лидерам стран народной демократии, что никакого пересмотра взаимоотношений внутри лагеря не предполагается.

22–23 июня 1956 г. в Москве состоялось Совещание руководителей коммунистических и рабочих партий стран социалистического лагеря. Позиция Советского Союза на нем прозвучала недвусмысленно: Московская декларация не будет влиять на политику СССР в отношении стран социалистического лагеря и их коммунистических партий [Vogetić, 2005, s. 167]. В ходе работы Совещания была подготовлена записка «О формах контактов между коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран», согласно которой «конкретные вопросы партийного и хозяйственного строительства» могли бы обсуждаться на периодически созываемых совещаниях партий социалистических стран. В числе их задач предполагались «обмен мнениями, обобщение имеющегося опыта и согласование мероприятий по координации действий соответствующих партий по этим вопросам в дальнейшем» [Президиум ЦК КПСС, т. 2, 2006, с. 346–347]. Таким образом, несмотря на роспуск Коминформа, СССР не отказывался от навязывания своей линии социалистическим странам и партиям, лишь несколько изменив способ своего диктата.

Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. стало для югославов еще одним сигналом того, что десталинизация, затеянная Хрущевым, имеет весьма узкую тактическую направленность и сферу применения. «Было бы неправильно закрывать глаза на то обстоятельство, что некоторые наши друзья за рубежом не разобрались до конца в вопросе о культе личности и его последствиях и допускают порою неправильные толкования некоторых положений, связанных с культом личности», – говорилось в постановлении, явно имея в виду компартии Югославии и Китая. Подчеркивалось, что «культ личности не мог изменить и не изменил природы нашего общественно-политического строя». Объяснялось, что сложная внутри- и внешнеполитическая обстановка 1920–1940-х гг. «не могла не сказаться отрицательно на развитии некоторых демократических форм». При этом признавались заслуги Сталина в борьбе с троцкистско-бухаринской оппозицией и в индустриализации страны. Таким образом, об углублении критики культа личности и о демократизации отношений внутри лагеря речи не шло. Зато снова поднимался вопрос координации позиций компартий: «В новых исторических условиях прекратили свою деятельность такие международные организации [...], как Коминтерн и Коминформ. Но отсюда вовсе не следует, что потеряли значение интернациональная солидарность и необходимость контактов революционных братских партий [...]. Марксистские партии рабочего класса должны сохранять и укреплять свое идейное единство и интернациональную братскую солидарность» [Правда, 1956, 2 июля].

13 июля руководителям ЦК партий социалистических стран была разослана брошюра «Информация о результатах советско-югославских переговоров, прошедших в июне 1956 г.». В ней позиция по отношению к Югославии была представлена как «дипломатический жест», а не как платформа для взаимоотношений социалистических государств, которые должны быть частями «единого фронта». Акцент делался на существующих разногласиях. Подчеркивалось, что югославское руководство склонно к идеологическим заблуждениям, происходящим из его экономической

зависимости от Запада, и поэтому имеет тенденцию отступать от линии марксизма-ленинизма. Также с неодобрением отмечалось стремление югославы «свободно лавировать и добиваться определенного лидерства» [А. С. С. К. 507/IX. 119/1-69. Informacija SK KPSS o razgovorima sa delegacijom vlade FNRJ i SKJ]. Кроме того, критике было подвергнуто заявление Н.А. Булганина на торжественном завтраке в Кремле в честь югославской делегации 5 июня, когда в своем тосте он назвал Тито ленинцем. 6 июля это определение сочли уместным опубликовать в «Правде» [Правда, 1956, 6 июля], спустя месяц, 29 июля, Булганина раскритиковали за него на заседании Президиума ЦК, назвав его неуместным [Президиум ЦК КПСС, т. 1, с. 145]. Принимая во внимание неуспех советско-югославских переговоров, с этим определением стоит согласиться.

Еще одним моментом, предопределившим постепенную смену вектора в советско-югославских отношениях летом – ранней осенью 1956 г., стали события, разворачивавшиеся в Венгрии. Согласно донесениям советских дипломатических работников, в том числе посла в Будапеште Ю.В. Андропова, массово поступавшим в МИД СССР с лета 1956 г., «внутренние силы венгерской реакции» получали «известную моральную поддержку со стороны югославской прессы». А председатель дискуссионного кружка имени Петефи Габор Танцош, образно обращаясь к опыту соседней страны, прямо заявлял, что «югославские товарищи смотрят на СССР как на одряхлевшего дядю» [Президиум ЦК КПСС, т. 2, с. 365]. О поддержке «враждебных элементов» в Венгрии югославскими СМИ рапортовал и А.И. Микоян, находившийся там 13–21 июля [Советский Союз и венгерский кризис ... 1998, с. 152–184].

Особое положение Югославии как социалистической страны, не входящей в советский лагерь, представляло собой яркий и завлекательный рекламный образ, пример того, как в условиях биполярного противостояния малое государство способно не просто сохранить свой суверенитет и проводить независимый политический курс, но при этом играть заметную роль в мире и повысить уровень благосостояния своих граждан. Такой политический курс Югославии, часто именуемый «югославским путем» социалистического строительства, вызывал большой интерес среди сторонников реформирования социализма. Для них Югославия стала примером и образцом для подражания, что было чревато опасностью раскола международного рабочего движения в не меньшей степени, чем деятельность компартии Китая.

Подводя итог, следует констатировать, что неуспех переговоров во время визита Тито в СССР в 1956 г. продемонстрировал двум сторонам, что они по-разному понимают цели нормализации отношений. Задачей Москвы в конечном итоге было возвращение Югославии в советский лагерь при сохранении своего безусловного доминирования в международном рабочем движении. Белград стремился к признанию социалистическими государствами своей особой позиции в мире, предполагавшей равноправное сотрудничество с Советским Союзом, США и странами третьего мира; уважению суверенитета и невмешательству в свои внутренние дела, но при этом в экономических отношениях с СССР претендовал на те же особые условия, что и страны лагеря. Продолжение уступок со стороны Москвы

было чревато ростом притягательности «югославского пути», что показывали донесения из Венгрии, в меньшей степени – из Польши. В то же время нормализация отношений с Югославией была одним из краеугольных камней внешней политики Н.С. Хрущева, достижением, которое он ставил себе в заслугу. Резкое изменение курса в этом вопросе стало бы признанием ошибки, совершенной первым секретарем ЦК КПСС. Поэтому, не сумев добиться подвижек, но всё еще надеясь на благоприятный исход своей инициативы, Н.С. Хрущев прибег к личной дипломатии и в начале сентября 1956 г. выразил через югославского посла в СССР В. Мичуновича желание совершить частную поездку в Югославию на отдых с семьей, настаивая, чтобы после этого Тито со своей супругой и соратниками отправился на отдых в Крым [Bogetić, 2005, s. 169].

На вечере в честь приезда советского лидера в Югославию Хрущев говорил, что Запад поддерживает ФНРЮ, пытаясь добиться дезинтеграции социалистического лагеря, и что югославский пример «как флаг» используют «разные элементы» в Восточной Европе в своей антисоветской и антикоммунистической кампании. Он прямо настаивал на возвращении ФНРЮ в советский блок. На это Тито не дал ясного ответа, напомнив о том, что разговор идет неофициальный, однако подчеркнул, что Югославия согласна почти со всеми аспектами советской внешней политики, поэтому на Западе ее и обвиняют в том, что она стала советским сателлитом [AJ. SK SKJ. 507/IX. 119/I-73. Zabeleška o razgovoru na večeri kod druga Tito u čast Hruščova]. Во время совместного отдыха двух лидеров в Крыму с 27 сентября по 5 октября 1956 г. Хрущеву также не удалось изменить позицию Тито [AJ. KPR. I-2/9. Put J.V. Tito u SSSR. Odmor na Krimu].

Окончательно ясно, что отношения двух стран развиваются от нормализации к новому конфликту, стало во время событий Венгерского кризиса (ноябрь 1956 г.) [см. Стыкалин, 2008], однако началом новой фазы движения этого маятника следует считать именно Московскую декларацию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.

Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1956 г. // *Известия ЦК КПСС*. 1989. № 3.

Правда. 1956.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. Т. 2. Постановления 1954–1958. М., 2015.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.

Стыкалин А.С. Советско-югославские отношения и внутривластная ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. // *Spoljna politika Jugoslavije 1950–1961*. Beograd, 2008.

Стыкалин А.С. «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Югославский «ревизионизм» в советской прессе конца 1950-х // *Мир истории. Электронный журнал*. 2015. № 1. URL: http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm#_ednref4

Стыкалин А.С. Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // *Славяноведение*. 2014. № 1.

Arhiv Jugoslavije. Centralni Komitet Saveza komunista Jugoslavije (AJ. CK SKJ). 507/IX.

Arhiv Jugoslavije (AJ). Kabinet Predsednika Republike. F. 837.

Bogetić D. *Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961*. Beograd, 2006.

Bogetić D. Podsticaji i ograničenja na putu normalizacije jugoslovensko-sovjetskih odnosa tokom 1956 // *Tokovi istorije. Časopis instituta za noviju istoriju*. 2005. № 3–4.

Diplomatski arhiv saveznog ministarstva spoljnih poslova Republike Srbije (DASMSP RS). Politička arhiva. Strogo poverljivo.

Međunarodni naučni skup “Balkanski pakt 1953/1954”. Beograd, 9 i 10 novembar 2005. Zbornik radova. Beograd, 2008.

Mićunović V. *Moskovske godine 1956–1958*. Zagreb, 1977.

REFERENCES

Anikeev A.S. *Kak Tito ot Stalina ushel. SSSR i SSHA v nachalnyj period “holodnoj vojni” (1945–1957)* [How did Tito go from Stalin. Soviet-Yugoslav relations in the early Cold War period]. Moscow, 2002 (in Russian).

Edemskij A.B. *Ot konflikta k normalizacii. Sovetsko-jugoslavskie otnosheniya v 1953–1956 godah* [From conflict to normalization. Soviet-Yugoslav relations in 1953–1956]. Moscow, 2008 (in Russian).

O kulte lichnosti i ego posledstviyah. Doklad pervogo sekretarya CK KPSS Hrusheva N.S. XX sjezdu Komunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. 25 fevralya 1956 goda [On the Personality Cult and its consequences. Report of the First Secretary of the CPSU Khrushchev N.S. at the XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union. February 25, 1956], in: *Izvestiya CK KPSS*. 1989. № 3 (in Russian).

Pravda. 1956 (in Russian).

Prezidium CK KPSS. 1954–1964. Chernovye protololnye zapisi zasedanij. Stenogrammy. Postanovleniya. V 3 tomah. T. 2. Postanovleniya 1954–1958. [The Presidium of the Central Committee of the CPSU. 1954–1964. Rough protocol recording sessions. Transcripts. Regulation. V 3 t. T. 2. Decisions 1954–1958]. Moscow, 2015 (in Russian).

Sovetskij Soyuz i vengerskij krizis. Dokumenty [Soviet Union and the Hungarian crisis. Documents]. Moscow, 1998 (in Russian).

Stykalin A.S. Sovetsko-yugoslavskie otnosheniya i vnutripoliticheskaya situaciya v Vengrii v usloviyah krizisa 1956 [Soviet-Yugoslav relations and the political situation in Hungary during the crisis in 1956], in: *Spoljna politika Jugoslavije 1950–1961*. Beograd, 2008 (in Russian).

Stykalin A.S. "Nasha kritika ne dolzhna vylitsya v kriklivuyu perepalku". Yugoslavskij "revizionizm" v sovetskoj presse konca 1950-h godov ["Our criticism must not turn into a clamorous fray". Yugoslav "revisionism" in the Soviet press late 1950-s], in: *Mir istorii. Elektronnyj zhurnal*. 2015. № 1. URL: http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm#_ednref4 (in Russian).

Stykalin A.S. Problema effektivnosti funkcionirovaniya Kominforma i motivy ego rospuska v kontekste otnoshenij SSSR i stran sovetskogo bloka s Jugoslaviej. 1949–1956 [The problem of efficiency of functioning of the Cominform and motives of its dissolution in the context of relations between the USSR and Soviet bloc countries and Yugoslavia. 1949–1956], in: *Slavyanovedenie*. 2014. № 1 (in Russian).

Arhiv Jugoslavije. Centralni Komitet Saveza komunista Jugoslavije (AJ. CK SKJ). 507/IX. Arhiv Jugoslavije (AJ). Kabinet Predsednika Republike. F. 837.

Bogetić D. *Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961*. Beograd, 2006 (in Serbian).

Bogetić D. Podsticaji i ograničenja na putu normalizacije jugoslovensko-sovjetskih odnosa tokom 1956, in: *Tokovi istorije. Časopis instituta za noviju istoriju*. 2005. № 3–4 (in Serbian).

Diplomatski arhiv saveznog ministarstva spoljnih poslova Republike Srbije (DASMSP RS). Politička arhiva. Strogo poverljivo (in Serbian).

Međunarodni naučni skup "Balkanski pakt 1953/1954". Beograd, 9 i 10 novembar 2005. Zbornik radova. Beograd, 2008 (in Serbian).

Mičunović V. *Moskovske godine 1956–1958*. Zagreb, 1977 (in Serbian).